

■ ГРАФИТ БОТОГОЛЬСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ И ЖАН-ПЬЕР АЛИБЕР

1. Жан-Пьер (Иван Петрович) Алибер (1820–1905) в одежде, типичной для сибирских морозов. Фото из Википедии.

«Минералогический альманах» уделяет много внимания истории науки, и мы всегда с готовностью публикуем историографические статьи. Не является исключением и настоящий выпуск. Ниже вы найдете две статьи, открывающие нам полузабытые страницы геологического изучения и освоения минеральных ресурсов Сибири, а именно, историю открытия и освоения Ботогольского месторождения графита. Эта история неразрывно связана с именем Алибера, француза по происхождению, чья кипучая и плодотворная деятельность разворачивалась в середине XIX века преимущественно на бескрайних просторах Восточной Сибири. Авторы первой из двух статей – Лидия и Жак Туре до недавнего времени работали в музее Минералогии Горной школы (Эколь-де-Мин) в Париже (Франция), и они в своих исследованиях опирались только на доступные им архивные и музейные материалы Франции.

Источниковой базой для исследований И.П. Андреевой и З.А. Бессудновой, сотрудников Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН, послужили российские архивы, в которых, как оказалось, деятельность Алибера оставила заметный след. Публикуемые статьи не противоречат, а заметно дополняют друг друга. И именно этот факт послужил побудительным мотивом для нас опубликовать их вместе.

Ж.-П. Алибер и история сибирского графита

Л. и Ж. Туре,

в прошлом сотрудники Горной школы и Университета Парижа, Франция
ljtouret@orange.fr

В середине XIX-го века карандаши, выполненные из сибирского графита (илл. 2), считались лучшими в мире, превзойдя собратьев из камберлендского графита (шахта Борроудейл, Великобритания) – эталона со Средних веков. Откуда же взялся этот чудесный минерал?

Свою историю сибирский графит ведет с 1847 года, когда был открыт французом Жан-Пьером Алибером (илл. 1) на вершине скалистой горы Ботогол в Саянах, что в 200 км на запад от Иркутска.

В Россию Жан-Пьер попал не сразу. Родился он 22 марта 1820 года в городе Монтобан (южная Франция) в католической семье зажиточного торговца сукном, который активно торговал с Англией и северной Европой. В возрасте четырнадцати лет Алибер отправился путешествовать и набираться опыта. Первым делом он провел несколько месяцев у дяди в Англии, а затем переехал в город Тавастгус в Финляндии, которая с 1808 г. стала частью Российской империи (ныне Хямеэнлинна в Финляндии), где и открыл фирму, специализирующуюся на торговле мехами и разнообразными французскими продуктами. Его бизнес был довольно успешен, и в возрасте 17 лет прибыл в Санкт-Петербург, имея звание первостатейного тавастгусского купца. Молодой француз был хорошо принят в Санкт-Петербурге и, став главным поставщиком меха при дворе, установил дружеские отношения с царствующей

2. Образец графита с горы Ботогол. 43.4 см высотой. Национальный музей естествознания, г. Париж. Фото: М.Б. Лейбов.

3. Пластина нефрита (толщиной в несколько миллиметров), удивительный распил для XIX века. 50 x 30 см. Река Онот, Бурятия. Образец: музей Горной школы, г. Париж. Фото: Ж. Туре.

4. Альбом «Souvenir de mes voyages en Chine», Центр искусств и ремесел в Париже (CNAM). (а) Птица, гуашь (К. Вольф). (б) Обложка альбома. Фото: Ж. Туре.

семьей, особенно с сыном Николая I, будущим Александром II (по некоторым неподтвержденным источникам, он был его цирюльником). В 1840 году Жан-Пьер получил разрешение поехать в Сибирь за мехами, а заодно разведать месторождения полезных ископаемых. До Иркутска он добрался лишь год спустя, начав свои разведывательные работы в районе озера Байкал, следуя по рекам, спускающимся из Восточного Саяна. Удивительные минералогические находки заставили француза позабыть про меха и полностью углубиться в разработку полезных ископаемых. Во-первых, он обнаружил небольшие месторождения серебра и золота, некоторые из которых действуют и по

30. Правый нижний угол экспоната: (надпись над фигурой лежащей собаки) «Все украшения вырезаны или высечены из цельного графита», (справа) пластина лазурита из Слюдянки. Музей университета имени Пьера и Марии Кюри. Фото: Ж. Туре.

31. Изделия из графита и нефрита. Центр искусств и ремесел, г. Париж. Фото: Ж. Туре.

вость коллекционера: у каждого из экспонатов — свой номер, который совпадает с номером на мозаичной подставке (илл. 24).

Про Жан-Пьера Алибера довольно быстро забыли, не считая его родного города Монтобана. Его произведения в эпоху модерна стали казаться старомодными, да и геологи и минералоги не оценили в полной мере важность сведений о ботогольском проявлении для понимания формирования графитовых месторождений. До сих пор ни в одной книге о рудных копях нет ссылок на графитовые месторождения, связанные с щелочной интрузией.

Наш же интерес к Ж.-П. Алиберу возник около пятнадцати лет назад, когда посетители из России увидели русское имя Алибера — Иван Петрович — в музее Горной школы и поведали нам о том, что он является национальным героем Бурятии. Позже, летом 2009 г., мы побывали в Ботоголе и поговорили там с местными жителями, вот они-то до сих пор хранят память о французском поселении. В долине между Орликом и горами одна старая женщина заметила, что люди здесь отличаются более светлой кожей, чем в остальной Бурятии!

Справедливости ради надо сказать, что интерес к Ж.-П. Алиберу и Ботоголу сильно вырос в последние годы. Правда, много работы еще предстоит для того, чтобы поставить его имя в ряд выдающихся деятелей XIX века как символ дружбы между Францией и Россией.

Благодарности

Мы очень признательны Людмиле Чешко и Михаилу Лейбову за их предложение написать эту статью. Нам очень помогли обсуждения с коллегами из парижских музеев, в которых хранятся «трофеи» Алибера: мы признательны Жану Клоду Булиарду (Jean Claude Bouilliard), Университет имени Пьера и Марии Кюри; Кристиану Феррарису (Christiano Ferraris) и Франсуа Фаржу (François Farges), Национальный музей естественной истории; Пьеру-Иву Ганье (Pierre-Yves Gagnier), Национальный центр декоративно-прикладного искусства. Мы также благодарим Сергея Смирнова, Институт геологии и минералогии им. С.Л. Соболева, Новосибирск за информацию о геологии района горы Ботогол. Много важной информации мы также почерпнули с интернет-сайта Бернарда Груа, выдающегося фотографа и исследователя Сибири и Дальнего Востока.

Литература

Андреева И.П., Бессуднова З.А. (2017) Сибирский графит Алибера // Природа, № 11, с. 79—87.

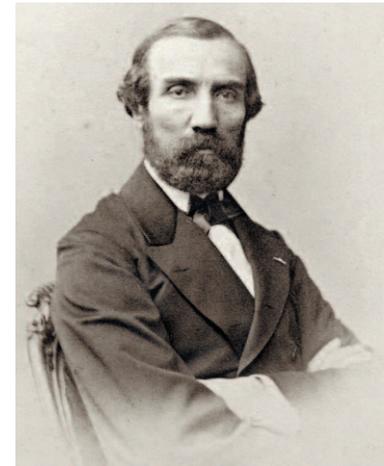
Миронов А.Г., Миронов В.А., Жмодик С.М. (1998) Самородная, сульфидная и радиоактивная минерализация на Ботогольском графитовом месторождении (Вост. Саян) // Геология и геофизика, № 9, с. 1293—1303.

Alibert, J.-P. (1865) La mine de graphite de Sibérie découverte en 1847. Paris: Poitevin, 134 с.

Alibert, J.P. (1873) Graphite de Sibérie : correspondance entre M. Faber et M. Alibert 1872—1873. Texte imprimé, Imp. Vè Etiou-Pérou, 35 с. Notice BNF FRBNF 36801783.

Ortega Menor, L., Millward, D., Luque del Villar, F. J., Barrenechea, F., Beyssac, O., Huizenga, J.M., Rodas, M., Clarke, S.M. (2010) The graphite deposit at Borrowdale (UK): A catastrophic mineralizing event associated with Ordovician magmatism. Geochimica et cosmochimica acta, 74, с. 2429—2449. ISSN 0016-7037.

Touret, Lydie (2010) Un Français chez le Tsar Alexandre II, с. 36—44 in Notre Terre, ce joyau. Sciences & Co, Ed. Paris, 49 с.

1. Иван Петрович Алибер. 1867 г. (Архив МОИП. Оп. 416, 1867 г., л. 71).

2. Графитовый обелиск в фондах ГГМ РАН. Высота 37 см. Подарок Ж.-П. Алибера ИМОИП 1866 г. Фото И.А. Стародубцевой.

Графит Алибера в Геологическом музее им. В.И. Вернадского

И.П. Андреева, З.А. Бессуднова

Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН, Москва, z.bessudnova@sgm.ru

В фондах Государственного геологического музея имени В.И. Вернадского РАН в Москве, история которого восходит к Музею естественной истории Императорского Московского университета, есть необычный экспонат — черный обелиск из массивного графита (илл. 2). С ним связана судьба французского предпринимателя Жан-Пьера Алибера (илл. 1) и удивительная история освоения в середине XIX в. уникального месторождения графита в труднодоступных Тункинских горах Восточного Саяна.

Первые сведения о графите в этом районе относятся к 1684 г., когда иркутский голова Л.К. Кислянский доложил о найденной в Тункинской долине казаком А. Михалевым руде, названной им «карандаш самой прямой» (Зоркин, 2007, с. 56). Через 150 с лишним лет о находках графита в Тункинских горах сообщил офицер С.И. Черепанов. В 1838 г. к нему как начальнику пограничного отделения обратились охотники сойоты с просьбой извлечь свинец для оружейных пуль из найденных ими на горе Ботогол кусков графита, который они приняли за свинцовую руду. Черепанов сразу опознал графит и сам осмотрел гору. В 1847 г. он переехал в Санкт-Петербург и показал образцы графита в Министерстве финансов, надеясь, что новое месторождение будет взято в государственную казну, но министерство не посчитало выгодным разработку графита, предоставив ему право лично распоряжаться открытым месторождением. В том же году Черепанов продал за 300 руб. серебром право на месторождение графита тавастгусскому купцу, торговцу мехами Жан-Пьеру Алиберу, которого интересовали находки графита и перспективы его использования.

За несколько лет на вершине Ботогола Алибер построил рудник, где в 1853 г. было вскрыто мощное гнездо графита. В том же году вышла статья профессора Горного института минералога Н.И. Кокшарова о тункинском графите, написанная по результатам изучения образцов, доставленных в Императорское Санкт-Петербургское минералогическое общество. Кокшаров высоко оценил качество графита, из которого, по его словам, можно прямо выпиливать карандаши (Кокшаров, 1853, с. 471).

Выступая на заседании Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) в Иркутске в 1854 г., Алибер рассказал, какой ценой далось ему это открытие: «Настоящий мой успех стоит мне очень дорого: восемь лет я провел в диких горных дебрях и был предоставлен всем лишениям, очень естественным при таком образе жизни, перенес всякого рода страдания. Труд и горе были неразлучны со мною. Ко всему этому, при моих настойчивых поисках, я потерял затраченный по этому делу весьма значительный капитал — свыше 80 тыс. руб. серебром» (Алибер, 1854, с. 14). Алибер пообещал учредить «карандашное заведение» в Петербурге в январе 1855 г. «точно в таком же виде, как некогда эта мануфактура процветала на заведениях знаменитого Брокмана» (Alibert, 1863, с.13).

Получив от российских научных обществ и академии художеств высокие профессиональные оценки качества графита и его пригодности для производства